

13 июля исполняется 90 лет со дня рождения выдающегося советского режиссера Героя Социалистического Труда, народного артиста СССР, лауреата Ленинской и Государственных премий Юрия Александровича Завадского. С воспоминаниями об отце выступает сын Евгений Завадский, режиссер Академического театра им. Моссавета:

ОТЕЦ мой, Юрий Александрович Завадский, согласно легенде, отмечен был изысканной породой и неземной красотой. С первых же шагов на сцене за ним закрепилось амплу «аристократ» и даже «Святой» — после знаменитого метерлинковского «Чуда Святого Антония», сыгранного им в студии Евг. Вахтангова. Легендарный принц Калаф в «Принцессе Турандот», блестящий граф Альмавива в «Женитьбе Фигаро», поставленной самим К. С. Станиславским, князь Трубецкой в спектакле «Николай I и декабристы», император Александр Первый в «Надежде Дуровой»... Чацкий в эту когорту как-то не вписывался и, по общему мнению, менее удался.

В моей памяти осталось смутное впечатление о Чацком в «Горе от ума» Ростовского театра, где отец больше занимался постановкой спектакля, понадеявшись на то, что роль, игранная им до этого во МХАТе, «дойдет» сама. До меня, по-видимому, не дошла... Зато его Александр Первый... Эпизод в романтической пьесе «Надежда Дурова» до сих пор перед глазами. Великолепная царственность и нарциссизм на грани гротеска. Безупречная лощеная красота, скрывающая бездну эгоизма и упоенное ханжество. До сих пор звучит в ушах поющая, самолюбленная интонация государя:

«Именоваться отныне должны вы — Александр».

И помните, что тень пятна не может на это имя пасть!»

Какое везение, что сцену эту удалось записать на радио. Роль Александра Первого была последней ролью Завадского. С 1942 года оставшиеся 35 лет жизни были отданы режиссуре.

Мне же посчастливилось быть участником каскада импровизаций, позволивших увидеть самые неожиданные возможности актерского дарования отца.

Подмосковная усадьба «Абрамцево» — дом отдыха РАБИС (работников искусств). Мне лет семь-восемь. У взрослых жаркие баталии на корте. Мне особенно обидно, я вижу, как хорошо, как красиво играет отец, даже мне понятно — возмись он за теннис по-настоящему с его-то данными... Но сейчас, когда он проигрывает, лучше не смотреть.

На волейбольной площадке сражаются в основном композиторы: азартный Тихон Хренников, монументальный Владимир Власов. И нам, шкетам, туда близко не подойти. Наша доля — обструганные специально для наших ручишек ракетки и корт... в самое жаркое время дня.

Кумир РАБИСовских детей — десятиклассник Валя Литовский — (фильм, где он снялся в роли Пушкина вот-вот выходит на экраны) — в наших играх не участвовал. Валя еще школьник, но уже артист, и почти Пушкин. Его рассказы о нравах кино, о ревности Дмитрия Николаевича Журавлева, снимавшего параллельно с ним в картине «Путешествие в Арзрум», и требовавшего, чтобы ему поручили озвучивать Валу в эпизодах чтения стихов, — будоражат наше воображение.

Абрамцевские сокровища культуры: дом Аксаковых, избушка на курьих ножках, аэснецовская часовня, левитановские пейзажи на стенах и в природе — для нас не чудо, а данность нашего детства. Мы бестрепетно подшнуровываем тапочки,

ставя ноги на гранитные глыбы ватагинских барсов, носимся по историческим анфиладам без всякого почтения, съезжая по перилам. Время, как я сейчас понимаю, было достаточно бедное, но многое из того, что ныне, после войны, исчезло безвозвратно, еще цело. Сегодня Абрамцево — музей-заповедник, однако очарование дряхлеющей усадьбы, где, кажется, рыска на пруду и аллеи помнят Аксако-

вых, Мамонтовых и их великих гостей, выветрилось, «омузеилось».

Однажды, подбегая к каминному залу, я услышал прекрасные стихи. «Пушкин!» — скорее почувствовал, чем узнал я и ринулся взглянуть на читавшего. В комнате никого. В противоположных дверях — отец.

— Папа, кто это читал?

— Понимаешь, я сам только что вошел, хотел послушать, разве тебе никто не встретился? Нет? Женя! Ты меня разыгрываешь. Ну, сознайся?..

Еще несколько подобных случаев, и ему удалось убедить меня, что мы могли слышать голос самого Пушкина! Ведь нам обоим так хотелось в это верить! Подстегнутая неумным воображением отца, наша фантазия населяла усадьбу: в комнатах возникали Пушкин и Врубель, Гоголь и Левитан... Отодвинув каминный экран, мы находили треснувший мунштук и гадали, кто мог его уронить, и о чем в это время могли разговаривать.

— Пушкин, конечно, должен был спорить с Гоголем. Мне кажется, что всю историю с «Мертвыми душами» мог придумать только поэт, — высказывал предположение отец.

А через два-три дня я находил на его тумбочке «случайно» оставленную раскрытую книгу, в которой доказывалось, что именно здесь, в Абрамцево, сюжет «Мертвых душ» был подсказан Гоголю Пушкиным! И начинал взахлеб читать, чтобы завтра поразить папу какой-нибудь «своей» догадкой.

Так как я отдан отцу только на отпуск, он балует меня, как умеет: бегаю наперегонки, закармливают трюфелями и всем демонстрирует с такой настойчивостью, что знакомым остается только восхищаться:

— Боже, неужели это ваш ребенок? Гигант, простр гигант! Сколько тебе? Никак не скажешь, что, еще мальчик — опасный юноша — весь в отца! И теннисист, наверно, будущий Кошел А как остроумен!.. И это — какую бы глупость я ни ляпнул...

До сих пор в ушах — насквозь фальшивый щебет, надушенные руки с ярким маникюром, тянущиеся потропать щечку. Отец — красивый до умопомрачения, знаменитый актер, любимый ученик Вахтангова, возможный наследник Станиславского! Сам возглавляет интереснейший театр!

С таким нимбом жить не просто. Где уж тут ребенка воспитывать... Не слишком-то нарядный, вполне неловкий (маме — известной актрисе В. П. Марецкой — тоже не до семьи) сын как-то совсем ни к месту. А тут еще и пробелы в его образовании лезут на каждом шагу: языков не знает, музыке не учился, так как слух — мамин (и это у отпрыска Завадского, свистевшего в концертах классику). С ним что-то срочно надо делать. Уж больно бросается в глаза видимая глухота мальчика к прекрасному на фоне Абрамцева — дивного уголка российского меценатства...

Евгений ЗАВАДСКИЙ

ЛЕТО В АБРАМЦЕВЕ

(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ ОТЕЦЕ)

— Сказки любишь?

— Что я — маленький?!

— В сущности, чем мы сами-то в гимназии увлекались? Ах да, Ната Пинкертона знаешь? А Шерлока Холмса? Тоже нет?! Да что же вы вообще читаете?

И папа, поначалу с трудом, своими словами, что-то вспоминая и путаясь, пытается рассказывать мне о приключениях знаменитого сыщика. Это и становится нашим самым любимым занятием. Возникают импровизации, — и как мне до сих пор кажется, — блестящие. Ничего более яркого, захватывающего, жуткого и непобедимого я еще не встречал ни в литературе, ни в драме, нигде... Западни, в которые попадал герой, а при устном творчестве отцу просто невозможно было уберечь его от оплошностей, казались мне безвыходными. Для того, чтобы великий сыщик мог из них выпутаться, отец надеялся своего Холмса такими знаниями в самых разных областях человеческой деятельности, которые бы сделали честь лучшим фантастам мира. Но главным было, конечно, умение нашего Шерлока Холмса перевоплощаться. В кого и во что он только, а вместе с ним, конечно, и папа не превращался! Это была феерическая пора нашей жизни. Освобожденный от самоконтроля, подстегиваемый моими полными веры глазами, отец сочинял и разыгрывал в одном лице безудержные по своей фантазии спектакли. Все шло в ход: скрывшись в темнеющей аллее, он выворачивал плащ и шляпу, надевал их вместе с темными очками на рогатый стучок, вставал на лавку, и меня вдруг окликало свистящим шепотом трехметровая фигура Кровавого Джеймса. После того, как, отпрянув в страхе, я все-таки приблизился к скамейке, из-под нее высовывалась голова Маленького Мука, который по воле отца взял почему-то на себя функции доктора Ватсона.

Конечно, Холмс провел детство в цирке, выступая иллюзионистом, так что ему ничего не стоило развязать на себе любые узлы и выйти из намертво заклепанной врагами клетки.

Правда, по другой версии, он в те же годы, оказавшись, помогал вскрывать сейфы и, срезав бритвой для повышения чувствительности часть ногтя, способен был нащупать плитку, скрывающую блуждающий замок подземного хода... Отец

мог стать парковой скульптурой и пугалом, слепым нищим и котом, трубой на крыше и бревном в поленище, да так, что его, действительно, кроме меня никто не видел.

Долгое время спустя мы порой продолжали нашу игру, оказываясь чем-то самым заветным для обоих. Становясь старше, я первым начал стесняться, а отец, сохранивший детскость до последнего часа своего, жалел, по-моему, о том времени чуть ли не больше меня. Во всяком случае, мгновенно вздернутая бровь, колючий прищуренный взгляд ненавидящего всех горбуна, напряженный фальцет... и так сразу ясно, что отец предлагает мне на миг вспомнить наше абрамцевское лето, то лето, когда мама ненадолго доверила ему дикаря-сына.

«ЖИТЬ в обществе и быть свободным от общества нельзя». Это известное положение привело к тому, что по вечерам отец принадлежал если не обществу РАБИС, то отдельным его представительницам — непременно. Уклониться от общественного долга было не в его силах. Свободных комнат, как водится, не хватало, и, чтобы принять нас тогда в Абрамцево, пришлось открыть мемориальную комнату Николая Васильевича Гоголя. В экспозиции ее был знаменитый портрет больного Гоголя работы Иванова, который висел как раз перед моей кроватью. Укладывая меня спать, отец поспешно доводил очередное приключение Холмса до самого страшного момента и убегал к взрослому, а я оставался в темноте с бьющимся от ужаса сердечком переживать за несчастного сыщика. Во всех углах прятались наши враги, а лунный свет, пробираясь сквозь шумевшую листву, играл бликами на лице Николая Васильевича, вперившего мне в глаза свой безумный взор. От этого взгляда я часто просыпался посреди ночи, конечно же, один.

Шли годы. Наконец-то я получил возможность прочесть Конан Дойля. Как я ждал! И, может быть, поэтому, должен сознаться, был жестоко разочарован. Отдавая дань дедуктивному методу наблюдательности, знанию людей, продемонстрированными Холмсом Конан Дойля, не могу тем не менее избавиться от впечатления, что отцовский Холмс был во много раз ярче, романтичнее, искрометнее и уж во всяком случае в тысячу раз артистичнее литературного.

Сейчас же, когда я вижу томик Конан Дойля... Смерть надвигалась на отца стремительно. Казалось, он даже не успел понять, что происходит. И ушел из жизни легко — наклонившись зашнуровать туфель перед прогулкой. Когда его ненадолго «вернули», искусственно привели в сознание, он сказал: «Видишь, какие номера я могу выкидывать»...

Была поздняя ночь. Поверив в чудо, несколько успокоенные, мама, лежавшая в той же больнице, тремя этажами выше, моя жена и я выходили из палаты. Отец задержал меня. Мы остались одни, и он, никогда прежде не проявлявший открыто отцовских чувств, прошептал, пронзительно глядя мне в глаза: «Как хорошо, когда сын так любит!». И вдруг я увидел, что уголок его брови вздернулся совсем «поабрамцевски» — он помнил!

ПИШУ и ловлю себя на том, что многие годы избегаю Абрамцева. И ничего не хочу уточнять... Было беспечное довоенное лето. Усадьба. Теннис. Папа и я впервые вместе. И все еще в будущем...

Отец. воспоминания, 1984, 13 июля, №161